

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE BIMESTRIEL

П А Р И Ж

VI — novembre, décembre 1950.

«LE MESSENGER», périodique de l'Action Chrétienne
des Etudiants Russes

paraît six fois par an

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Литургия — свящ. А. Шмеман	1
2. Всемирная Христианская Студенческая Федерация — Л. Зандер	10
3. О современном католичестве — И. Мейендорф	13
4. Рим и Святой Год — А. Лямина	16
5. Миссионерская поездка в район Форбах — Священник	18
6. О церковной работе с молодежью из России — К. Фотиев	22
7. Духовная природа коммунизма — * *	26
8. Памяти М. М. Осоргина	31

Журнал
Цена

Адрес редакции:

I. Moroso

ОТКР

«Вестн

Во Франции: Цена

подп

За границей: Цена

подп

Всю переписку, как
адреса и денежные

Monsieur I. Moroso

Денежные переводы

Action Chrétienne

Paris, C. C. P., Paris

Издатель Р. С. Х. Движения за Рубежом.

Зарубеж

Москва, Нижняя Радищевская

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Редакция «Вестника» поздравляет своих читателей с Праздником Рождества Христова и Новым Годом и желает всем мира, радости и крепости духовных и телесных сил.

ЛИТУРГИЯ

6. Вход.

«Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного устроенное, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие». Евр. IX, 24.

После великой ектении и первых молитв совершается вход, называемый теперь «малым» в отличие от «великого» — при перенесении даров с жертвенника на престол. Вход этот объясняют обычно символически — как изображение Христа, грядущего на проповедь. Но нужда в таком символическом объяснении возникла, когда вход утерял свое первое и непосредственное значение, как именно входа в храм, приближение священника и, в его лице всего собрания к престолу. В древности, как уже указывалось, собрание верующих предшествовало входу предстоятеля и великая ектения и антифоны были «входными» молитвословиями, певшимися собранием по мере приближения епископа к престолу 1). А так как первая часть литургии посвящена чтению Писания, то при входе духовенства приносилась и книга Евангелия, хранившаяся тогда в разнице. Появление иконостаса, отделившее престол от собрания,

1) Как я уже говорил, это значение входа сохранилось и теперь в архиерейском чине Литургии. До входа архиерей остается посреди собрания, а выход священников к нему после третьего антифона есть след древней встречи епископа духовенством и народом. См. S. Salaville. Liturgies orientales. La Messe, t. I, pp. 70-73, 77-80.

БИБЛИОТЕКА-ОСРД

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ ?

4001318

а с другой стороны, перенесение проскомидии на время до начала литургии 1) постепенно затемнили этот первоначальный смысл входа. Поздний же «изобразительный символизм» (т. е. толкование обрядов Литургии, как изображение земной жизни Спасителя) ослабил в сознании верующих то, что можно назвать **символическим реализмом** священнодействия. Но как и богослужбное собрание христиан; будучи прежде всего настоящим собранием общины, есть в нем и через него совершающееся «собрание в церковь» — составление и явление Тела Христова, так и вход, будучи действительным, а не символическим входом сам в себе являет свой смысл и не «изображает», а есть наше приближение к Престолу Божьему.

Престол есть средоточие храма. Он есть трапеза, за которой ждет нас Господь и потому образ Христа-Священника и Жертвы, Приносящего, Приносимого, Принимающего и Раздающего. Но Сын Божий стал Сыном Человеческим и в Нем прославлено и обожено человеческое естество. В Нем Бог, ставший человеком, человека вознес на небо. И потому Его трапеза есть трапеза Царствия и престол славы, на котором Он восседает одесную Отца. В соборании Церкви, которая есть Тело Его, нам дано в Нем и за Нем войти в небесное святилище и предстать пред лице Божие (Евр. 9, 24), чтобы принять участие в вечной небесной литургии. Об этом и свидетельствует молитва входа: «Владыко Господи Боже наш, уставивши на небесах чины и воинства ангелов и архангелов для служения Твоей славе: сотвори со входом нашим и входу святых ангелов быти, сослужащих и сославословящих Твою благодать».

И в то время, как предстоятель приближается к престолу 2), кланяется ему и целует его, собрание поет «Приидите поклонимся

1) И то и другое произошло сравнительно поздно. См. «Iconostase» в Diction. Archéol. chrét. et liturgie, t. VIII, С. Муретов. «Исторический очерк чинопоследования проскомидии» в «Чтениях Общ. Люб. Духовн. Просвещ.», 1893, отд. I и II.

2) Возглас «Премудрость прости», который произносит диакон при входе, очень древний. Происхождение возгласа «премудрость» не вполне ясно. Обычно он предшествует чтению Св. Писания и есть призыв к вниманию, к постижению духовного смысла читаемого. См. Кавасила éd. Sources chrétiennes, стр. 129-130. «Прости» означает «стойте прямо» и свидетельствует, м. б. о том, что в древности часть молитв произносилась в наклоненном положении тела. По символическому объяснению Кавасилы, этот возглас призывает нас пребывать в «воинственной позе» (т. е. в полной готовности и послушании), когда мы предстоим перед Богом и присутствуем при св. таинствах».

и припадем ко Христу...», выражая в этих словах и смысл самого священнодействия и участие в нем всех соборных в церковь.

7. Трисвятое.

«Чтобы нам иметь участие в святости Его». Евр. XII, 10.

Этот смысл входа, как приближение ко Христу и восхождение с Ним в небесное святилище раскрывается далее в молитве и пении Трисвятого. Встав, перед Престолом, священник возносит молитву о том, чтобы Бог «сподобивший нас, смиренных и недостойных... в час сей стать перед славой святого Его жертвенника и должное Ему поклонение и славословие принести, принял от нас трисвятую песнь и посетил нас... простил нам всякое согрешение и освятил наши души и тела» 1).

«Боже Святой...». С исповедания Святости Божией начинается наше предстояние престолу и мы молимся о нашем освящении — т. е. о приобщении нас к этой Святости. Но что означает, что выражает это имя Божие — **Святой**, составляющее по словам пророка Исаии вечное содержание ангельского славословия, славословия, в котором и мы — в час сей — готовимся принять участие? Никакое дискурсивное мышление, никакая логика не способны нам объяснить его, а, между тем, это ощущение **Святости Божией**, это чувство **святого** и **священного** есть, можно сказать, основа и источник всех религий. И вот, дойдя до этого момента, мы быть может, сильнее всего сознаем, что богослужение не **объясняя** нам, что есть Святость Божия, тем не менее **являет** нам ее и что в этом **явлении** — извечная сущность всякого «культа» — тех основных и древних, как само человечество, обрядов: благословения, воздевания рук, поклона, поцелуя, «смысл» которых почти не выделим из жеста, его в себе воплотившего. Ибо культ и вырос из этой потребности, из этой жажды человека выразить и явить «святое», которое он ощутил прежде, чем смог «мыслить» о нем. «Как будто только богослужение — пишет Л. Буйэ — знает весь смысл этого непроницаемого для разума понятия, оно одно, во всяком случае, способно передать его и научить ему... Этот религиозный трепет, это внутреннее головокружение перед Чистым, перед Недосягаемым, перед совершенно Иным и, вместе с тем, это ощущение невидимого присутствия, притяжение такой бесконечной любви, но

1) Эта молитва, как и все прочие, читается теперь «тайно», а хор в это время поет тропари и кондаки дня, появившиеся здесь только для того, чтобы не было молчания. Они, несомненно, нарушают единство молитвы, единство предстоятеля и собрания и отвлекают внимание от смысла совершающегося священнодействия.

притом любви столь личной, что, испытав его, мы уже больше не знаем, что еще мы называем любовью — только богослужение может передать чувство всего этого, единое и не передаваемое... В богослужении оно как бы дьется отовсюду — из слов, из священных жестов, от светильников, от благоухания, наполняющего храм, как в видении Исаии, из того, что за всем этим, что не есть ничто из всего этого, но что всем этим целостно передается, подобно тому, как прекрасное выражение лица мгновенно раскрывает нам всю душу, хотя мы и не знаем как...» 1).

И вот, мы вошли и стоим теперь перед Святым, мы освящены Его присутствием, мы озарены Его светом. И это трепетное и сладостное чувство присутствия Божия, радость и мир, равных которым нет на земле, все это выражено в повторном, медленном и торжественном пении Трисвятого — «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный...» — небесной песни, поющей на земле и свидетельствующей о совершившемся примирении земли и неба, о том, что Бог явил себя людям и что нам дано «иметь участие в святости Его». (Евр. 12, 10).

И под это пение предстоятель восходит еще выше — в самую глубину храма, на горнее место, во Святое Святых. И в этом ритме входа и восхождения — от дверей храма к Престолу, от Престола на горнее место — свидетельствует он всю действительность совершившегося соединения, высоту, на которую вознес нас Сын Божий. И, взойдя на нее, священник оттуда — но повернувшись теперь лицом к собранию — один из собранных и образ Самого Господа, облеченный Его властью и силой — ниспослет нам Его мир для слышания Его слова.

8. Таинство Слова.

«Дух животворит, плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь». Ин. VI, 63.

С восхождением священника на горний престол завершается вход и начинается литургия евангелия, состоящая из чтения Писания и проповеди, посвященной прочитанному. И нужно сразу же подчеркнуть, что Чтение и Проповедь составляют на Литургии некий двуединный акт, в котором совершается Церковью таинство Слова, таинство благовествования.

Писание, мы знаем, есть сборник книг, написанных в разное время разными авторами и отражающих и свою эпоху и отличительные свойства писавших их и непосредственные нужды тех, для

1) L. Bouyer. «Quelques principes historiques de l'évolution liturgique». La maison - Dieu, 10, p. 66.

кого они были написаны. Так книги Нового Завета, читаемые на Литургии 1) суть церковная запись проповеди Апостолов о Христе (Евангелия), повествование об их миссионерских трудах (Деяния Апостольская), письма их отдельным общинам и лицам (Послания). Книги эти можно изучать, как и другие памятники прошлого и во многом они не избежали общей судьбы таких памятников: ошибок при переписке, разночтений, потери древнейших рукописей и т. д. Они имеют свою «естественную» историю. Но вот, Церковь говорит нам, что это человеческое писание есть Слово Божие: это значит, не только слова людей о Боге, но Слово Самого Бога, обращенное к нам, не запись истины, но Сама Истина, не «авторитетный источник» наших сведений о Христе, но вечный источник веры, знания и жизни — Слово Божие в слове человеческом или Слово Богочеловеческое. И Слово это Церковь не просто читает, но она Им живет: «Слова, которые говорю Я вам суть дух и жизнь» (Ин. 6, 63), а «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную» (Ин. 5, 24). Евангелие нельзя просто «прочитать», чтобы «усвоить его содержание. Слово Божие мы слышим и принимаем только в ту меру, в какую Сам Господь Духом Святым посылает нам «нетленный свет Своего богоразумия и отверзает наши мысленные очи для разумения евангельских проповеданий» (молитва перед Евангелием). Это есть дар Св. Духа и этот дар дан Церкви и вечно обновляется в ней. «Тогда отверз им ум к уразумению Писаний» (Лк. 24, 45). И сущность литургического чтения Писания, чтения его в собрании Церкви и состоит в том, что в нем вечно совершается это предложение Духом Св. читаемого в Слово Божие. «Дух животворит, плоть не пользует нимало...». В этом чтении Господь Сам сегодня и здесь говорит нам и сердце горит в нас, узнавая Говорящего, как горело оно у учеников на пути в Эммаус, когда говорил Он им, изъясняя Писания. (Лк. 24, 32).

Свидетельством об этом слышании Слова Божия, о принятии и уразумении Его является проповедь, которая, поэтому органически связана с чтением Писания и в ранней Церкви составляла необходимейшую часть церковного собрания, существеннейший и именно — литургический акт Церкви — вечное самосвидетельство Духа Святого, живущего в ней и наставляющего ее на всякую истину (Ин. 16, 13). Духом Истины, «которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его» («а вы знаете... ибо Он с вами пребывает и в вас будет» Ин. 17) Церковь услышала и узнала в этих писаниях Слово Божие и продолжает

1) В древней Церкви кроме Апостола и Евангелия читался также отрывок из Ветхого Завета.

всегда узнавать, слышать и благовествовать Его. Только потому и «миру сему», внешним, может она подлинно благовествовать Христа, свидетельствовать о Нем, а не просто рассказывать о своей «доктрине», что сама она всегда слышит Слово Божие, Им живет и что сама жизнь ее есть **рост Слова**: «и слово Божие расло и число учеников весьма умножилось» (Деян. 6, 7); «с такою силой возрастало и возмозгало слово Господне» (Деян. 19, 20)).

В современной церковной жизни наблюдается несомненный упадок или даже кризис литургической проповеди. И сущность его не в неумении говорить, не в утере «стиля», не в неподготовленности священников, а в чем то гораздо более глубоко: в забвении того, что **есть проповедь в собрании Церкви**. Проповедь может быть (часто бывает и сейчас) умной, интересной, поучительной, утешительной, но не в этих ее качествах, позволяющих различать «хороших» от «плохих» проповедников, сущность проповеди. Сущность ее в **живой связи с Евангелием, читаемым в собрании Церкви**: она не есть ни «объяснение» прочитанного знающим и компетентным лицом, ни передача слушающим собственного духовного опыта или богословских знаний проповедника, ни размышления «по поводу» текста, она вообще не есть **проповедь об Евангелии, но проповедь самого Евангелия**. И этот дар слышания, принятия и уразумения Слова Божия дан в собрании Церкви и неотрывается от него. Кризис проповеди состоит как раз в том, что она стала проповедью того или иного проповедника (про которого мы говорим, что у него есть или отсутствует «дар слова»), тогда как подлинный дар слова, дар благовествования не есть в собрании Церкви «имманентный» — дар проповедника, но харизма Св. Духа, посылаемая в собрании и собранию: «где два или три собраны во имя Мое, там Я посреде них». Подлинной церковной проповеди нет без веры в то, что собрание Церкви есть действительно собрание в Духе Святом, не просто собрание людей, а харизматическое собрание Церкви, народа Божьего водимого Духом. Как мы верим, что на литургии, т. е. в собрании Церкви, Духом Св. совершается преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, так верим и в то, что Сам Дух Св. наставляет собрание на всякую истину. Но потому условием подлинной церковной проповеди и должно быть полное самоотречение проповедника, полный отказ от всего **только своего**, даже от «своего» дара. Церковная проповедь, подлинное чудо церковного благовествования — в отличие от всякого человеческого «дара слова» — совершается, по словам ап. Павла, «не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего кроме Иисуса Христа и притом распятого. И был я у вас в немощи, в страхе и великом трепете. И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости,

но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор. 2, 1-5). **Свидетельство об Иисусе Христе Духом Св. — таково содержание Слова Божия и оно, только оно может быть содержанием проповеди**: «и Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина» (1 Ин. 5, 6). Церковный амвон есть место Благовестия и потому он никогда не должен превращаться в трибуну для возвещения пускай самых возвышенных, самых положительных, но только человеческих истин, только человеческой мудрости. «Мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую Бог предназначил прежде веков к славе нашей» (1 Кор. 2, 6-7).

Из проповеди в собрании Церкви, из этого таинства благовествования выросло все церковное богословие, все Предание Церкви и в нем постигается смысл церковного утверждения, что только Церкви вручено хранение Писания и его толкование. Ибо предание не есть **другой**, «дополнительный» по отношению к Писанию источник веры («о том, чего нет в Писании, Церковь знает из Предания»), но **тот же источник**: живое Слово Божие, **всегда слышимое и принимаемое Церковью**. Оно и есть в подлинном смысле **толкование** Слова Божьего, как источника самой жизни, а не тех или иных «построений» и «выводов». Когда св. Афанасий Великий говорил, что «святые и боговдохновенные Писания достаточны для изложения истины», он не отрицал Предания, еще меньше проповедывал какой нибудь специфически «библейский» метод богословия, как словесной верности тексту Писания — (он сам в «изложение истины» дерзновенно ввел не библейский термин «единосущие»). Он утверждал именно **живую** (а не формально-терминологическую) связь Предания и Писания в Церкви: сам Дух Св. в Церкви толкует Писание и открывает нам смысл Слова Божьего. Но потому только Церковь **хранит** смысл Писания, что в таинстве благовествования, совершаемом в собрании Церкви, Св. Дух вечно животворит плоть Писания, делая Слово Божие вечно новым и неизсекаемым источником жизни и истины. Всякое богословствование укоренено в этом таинстве благовествования, укоренено в собрании Церкви, в котором Дух Св. наставляет самую Церковь (а не отдельных людей в Церкви) на всякую истину. Потому и всякое «частное» чтение Писания должно быть укоренено в церковном и вне церковного разума, вне Богочеловеческой жизни Церкви не может быть услышано и истинно истолковано. Так, совершаемое в собрании Церкви таинство благовествования, в двуедином священнодействии чтения и проповеди, есть и источник

всякого богомыслия и возрастания каждого и всех вместе в полноту разума Истины.

И, наконец, в этом таинстве благовествования раскрывается соотношение иерархии и мирян в хранении Истины, каковое, по словам Послания Восточных Патриархов, **вручено всему народу Церкви**. В церковной проповеди осуществляется дар учительства, данный в Церкви ее предстоятелю, как его **служение** в собрании Церкви. Но именно потому, что церковная проповедь не есть «личный» дар, но харизма, данная Церкви и осуществляемая в собрании Церкви, это учительное служение иерархии неотрываемо от него, но в нем имеет свой источник. **Дух Св. почивает на всей Церкви во всей ее целостности**. И если служение предстоятеля есть проповедь, а служение собрания — принятие проповеди, то оба эти служения **духовны** и исполняются тем же Духом Святым. Ибо ни возвещать Истину, ни принять ее нельзя без харизмы Св. Духа, а она послана всему собранию и только в единстве собрания может быть **исполнена**. **Вся Церковь «приняла не духа мира сего, но Духа от Бога, дабы знать дарованное от Бога»**. «Божьего никто не знает, кроме Духа Божьего» — потому и говорящий «возвещает не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Св., соображая духовное с духовным», потому и принимающий принимает только Духом Св. — ибо «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает сие безумием и не может разуметь» (1 Кор. 2, 11-14). Только вся Церковь, явленная и осуществленная в собрании Церкви, имеет «ум Христов», только в собрании Церкви все служения постигаются в их единстве и неразделимости, как служение единого Духа, палящего все Тело и только потому каждый член Церкви перед миром может быть свидетелем всей полноты Церкви, а не только «своего» понимания или «своего» места в ней.

«Мир всем». Литургия Евангелия начинается с преподания мира. Три риза втечение всей Литургии обращается священник к собранию с этими словами: перед чтением Св. Писания, перед таинством Евхаристии, перед Причащением, свидетельствуя ими, что и возвещает Слово, и приносит приношение и питает хлебом жизни в собрании Церкви Сам Христос, сказавший «Мир оставляю вам, мир **Мой** даю вам». С этими словами приходил воскресший Господь к соборным ученикам (Лк. 24, 36. Ин. 20, 19; 21, 26), с ними приходит и к нам, ибо «Он есть мир наш» (Еф. 2, 14) и благовестие Церкви есть «благовестие мира через Иисуса Христа» (Деян. 10, 36).

Сначала читается **Апостол 1)**: Писания, составляющие эту

1) «Прокимен», поющийся перед Апостолом есть остаток

книгу, хронологически предшествовали написанию Евангелий и их «канонизации» Церковью. И проповедь апостолов была **Словом Божиим** до его записи. «Мы непрестанно благодарим Бога — пишет ап. Павел Фессалоникийцам — что приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие (каково оно есть по истине), которое и действует в вас верующих (1 Фес. 2, 13). Апостолы были служителями Слова по преимуществу, свидетелями слов и дел Господа, о которых повествует Евангелие. Их писание суть первое «толкование» Слова Божьего в самом Св. Писании и потому с них начинается Церковь свое таинство благовествования.

За Апостолом следует пение **Аллилуия**. Подобно слову «аминь», это еврейское слово, означающее «хвала Богу», осталось непереуведенным в христианском богослужении, потому что как и «аминь», оно больше и глубже, и таинственнее своего логического смысла, оно само и **есть** тот порыв радости и хвалы перед явлением Самого Господа в Своем Слове, который оно здесь означает и выражает 1). И одновременно с пением Аллилуия (а не во время Апостола, как это теперь обычно делается) совершается **каждение** Евангелия и собрания. Этот древнейший религиозный обряд, общий почти всем религиям не сразу был принят Церковью из-за его связи с языческим культом Императора: в эпоху гонений от христиан требовали, чтобы они совершали **каждение** перед изображением Императора. Но впоследствии он вошел в церковное богослужение, был принят Церковью как именно самый «естественный» обряд богочитания, в котором все: и горящий уголь и сгорающий на нем ладан и благоухание и восходящий дым все «выражает» поклонение твари Творцу и таинственную святость Бога, присутствующего среди людей 2).

Священник читает «молитву перед Евангелием», которую мы привели выше, и которая есть подлинная «эпиклеза» — призывание «нетленного света», т. е. Духа Св. для слышания и разумения и исполнения Слова Божьего. После этой молитвы читается само Евангелие. Для этого, чтение Св. Писания разделено на отрывки, причем принцип этого деления был различным в разные эпохи

псалма, некогда целиком певшегося перед чтением св. Писания и сведенного теперь к трем стихам, относящимся уже не к читаемому тексту, а к празднику празднуемому в этот день или же к дню недели. См. A. Baumstark. Liturgies comparée, p. 24.

1) См. употребление обоих этих слов «аминь» и «аллилуия» Откровении 19, 4.

2) О **каждении** см. G. Dix. The Shape of the Liturgy, pp. 424-430.

церковной истории 1). Важно только помнить, что в каждом таком «отрывке» обращено к нам Слово Божие, и что «таинство благовествования» прежде всего состоит в целостном слышании его, т. е. в уразумении связи данного отрывка со всем Таинством Спасения, так что в каждом слове Писания нам возвещается не та или иная частная истина, но говорит и учит «весь» Христос. И это целостное уразумение и принятие Слова Божьего совершается в непосредственно за Евангелием следующей проповедью.

Так завершается «Таинство Слова» и мы переходим к заключительной части Литургии оглашенных. Свящ. Александр Шмеман.

ВСЕМИРНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

С 1932 г. наше Движение состоит членом корреспондентом Всемирной Христианской Студенческой Федерации. Многие ли из нас знают, что такое Федерация и почему мы с ней связаны?

С внешней стороны Федерация есть Союз Христианских Студенческих Движений. Последние существуют почти всюду: иногда в виде больших организаций, имеющих свою историю и традицию (Англия, Голландия, Швеция); иногда в виде скромных студенческих кружков, ведущих миссионерскую работу в Университетах (Бельгия, Греция, страны Южной Америки). В 1895 г. несколько деятелей этих Движений решили объединиться и образовали союз (Федерацию), имеющий целью проповедь Христианства в университетской среде. С тех пор союз вырос в очень большое, буквально всемирное дело. Однако, значение его — не в количестве членов, не во внешней организованности, а в тех духовных установках, которые отличают его от всех других религиозных организаций и делают его явлением исключительным. Сюда первым долгом относится его скромность. Помню, когда я в первый раз посетил Женевский Центр Союза (в 1925 г.), я ожидал увидеть большое здание, множество секретарей, канцелярии... И был чрезвычайно удивлен, увидев небольшую квартиру, одного секретаря... А где же все остальные? Их вообще не много; но им нечего сидеть в Женеве; они ездят по местам, посещая и помогая местным Движениям. «Скромность» Федерации заключается не в том, что она не стремится к великолепию международных организаций и не в том, что она чужда шумихи и рекламы (почему ее мало знают), а в том, что она сознательно видит центр тяжести работы в местных национальных Движениях. Федерация является органом их связи, вза-

1) О распределении евангельских чтений и его истории см. архи м. К и п р и а н: «Евхаристия», стр. 181-183.

имообщения, координации; она помогает им лекторами, литературой, живым вдохновением; но она не ставит себя на первое место в религиозной работе среди молодежи. Органами ее являются: Генеральный Комитет, собирающийся каждые 4 года (представители всех Движений — всего около 100 человек); исполнительный комитет (10 человек) и выбираемые на разные сроки Председатель, его товарищи, генеральный секретарь и секретари. Количество их меняется в зависимости от потребностей и возможностей (гл. образом финансовых: Федерация — не богата).

Второй отличительной чертой Федерации является ее высокий интеллектуальный уровень. Это организация типично студенческая. Поэтому ко всему, что в ней делается: к съездам, лекциям, дискуссиям, статьям применяются высокие требования: одновременно духовные и интеллектуальные; поэтому работа Федерации всегда интересна, ответственна и трудна. Студенты вообще народ требовательный; а здесь мы имеем студентов разных культур и наций, разных вер и исповеданий; и у всех есть свои проблемы, которыми они хотят делиться с другими...

Наибольшей заслугой Федерации представляется мне, однако, ее внимательность к голосу меньшинства, ее желание, чтобы услышаны и поняты были все. Только этим можно объяснить то огромное влияние, которое в жизни Федерации получили православные студенты, количественно всегда составлявшие еле заметное меньшинство. Федерация сумела не только услышать голос Православия, но и понять, что всемирный характер христианского братства несовместим с началом интерконфессионализма; что для того, чтобы иметь в своей среде православных (в будущем может быть и католиков!) необходимо признать, допустить, приветствовать конфессиональное начало, как несущее с собой полноту каждого вероисповедания. Этот процесс — признание конфессионализма — был медленным и трудным. Внешне он выразился в допущении конфессиональных групп, а потом и целых Движений. Но внутренне это, конечно, было ростом церковности, преодолением религиозного индивидуализма. Федерация первая провозгласила (в решениях Генер. Комитета 1935 г. в Чам-Кории (Болгария), что для экуменической работы отдельный христианин полезен постольку, поскольку он верен своей церкви и исповедует ее учение. Или, как это хорошо выразил Генер. Секретарь Федерации, когда посетил англо-православный (то есть очень «высоко-церковный») съезд: «я полагаю, что вы пригласили меня в свою среду не несмотря на то, что я шотландский пресвитерианин, а потому, что я шотландский пресвитерианин».

Наконец отличительной чертой Федерации, вернее даром Божиим является ее способность закреплять каждое духовное

достижение в форме традиции. В религиозной работе часы духовного напряжения и вдохновения так часто рассматриваются, как однократные подарки неба: мы их переживаем... и забываем. В работе же Федерации мы видим неустанное стремление учесть каждый духовный опыт для будущего, не только пережить его самому, но и сделать причастными ему других. Поэтому Федерация имеет свое «предание», которое знаменует собою ее духовный рост и церковное развитие.

Большим «открытием» Федерации является то, что всемирность (понятая географически) может иметь огромное значение в духовной жизни людей. Самый факт собиранья вокруг имени Христова молодежи со всех концов земли имеет в себе нечто вдохновляющее. Несмотря на вероисповедные разделения эти многоязычные собрания белых, желтых, черных 1) студентов являют собою какой-то — пусть ущербленный и неполный — образ вселенскости.

Мы не можем, конечно, говорить о вселенской Церкви, но вселенское братство Христова находит здесь свое подлинное осуществление. В этом легко убедиться попав в незнакомый чужой город и найдя в нем центр студенческого Движения: вас примут как родного (в последний раз я имел этот опыт в далеком Торонто: достаточно было сказать, что я — русский движенец и я был сразу же «своим» среди них: читал у них доклад, пользовался их помощью и т. д. Федерация стремится к тому, чтобы это общение было более полным и глубоким. Для этого служат съезды: общие — деловые (Генер. Комитет, на котором, однако, всегда читаются доклады религиозного и догматического содержания); частные — местные (таковы были съезды для юго-востока Европы) и специальные — экуменические совещания, американо-европейский семинар и т. п. В течении многих лет Федерация имела в Швейцарии летний дом отдыха, пребывание в коем соединялось с некоторой религиозной дисциплиной. Во всех этих видах работы наше Движение всегда принимало живое участие. И участие это всегда было ответственным. Ибо, будучи вероисповедным меньшинством, мы призваны не только к тому, чтобы исповедывать Православие, но и чтобы являть его — первым долгом в нашем отношении к инославным. А это очень не легко, потому что в увлечении полемикой мы часто пользуемся церковными канонами как палками, которыми бьем по инославным головам... вместо того, чтобы привлекать к Церкви их сердца. Экуменическое общение почти всегда начинается с духовного тока: неужели это христ-

1) Расовых предрассудков в Федерации нет; негры и китайцы играют в ней такую же роль, как англичане и французы.

анство, спрашиваем мы себя, знакомясь с протестантской богослужбной бедностью, с их исключительным библеизмом; неужели это христианство, спрашивают они себя, видя наши иконы, наши обряды... Только преодолев эти первые впечатления мы начинаем присматриваться друг к другу внимательнее и глубже и открываем те положительные христианские ценности, признание коих является основанием экуменического общения и любви. Это очень не легко и надо отдать справедливость Федерации: ее сердце было всегда дальновиднее и шире ее сознания. Еще не зная Православия, она уже поддерживала нас, чувствовала нашу юность, бережно выращивала те ростки, которые затем изменили все направление ее конфессиональной политики. И то же самое она продолжает делать с другими. Поэтому все, кто сталкивается с ее работой, привязывается к ней и личной и церковной любовью. В Европе она явилась едва ли не единственной организацией, при встрече с коей мы почувствовали слова, что «вы здесь не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (Еф. 2; 19) — являются подлинной реальностью, основанием нашего совместного служения Богу.

Л. Зандер.

О СОВРЕМЕННОМ КАТОЛИЧЕСТВЕ

Всех нас, а в особенности тех из нас, кто живет в католических странах, не может не поражать внутренняя сила и внешняя импозантность великой Западной Церкви, подчиняющейся власти Римского Первосвященника. Ныне, окончившийся 1950 год, был, как известно, «юбилейным»... Миллионы паломников со всех концов земного шара, направились в Рим для поклонения святыням Вечного Города и для получения связанных с этим поклонением благодатных даров, т. наз. индульгенций. Кроме того, в течении второй половины этого года, папа Пий XII подписал три энциклики — о служении церковного клира, об интернациональном политическом положении и заблуждениях, которым по его мнению, подвергаются некоторые католические круги — и провозгласил новый догмат о телесном прославлении Богоматери.

В последней из упомянутых энциклик, латинский текст которой начинается со слов: «*Humani Generis*», — папа затрагивает несколько тем, имеющих непосредственное отношение к нам, православным.

За последние десятилетия, в лоне католичества, появилось несколько движений специально интересующихся древним литургическим преданием и отцами Церкви, жившими до разделения Церквей. Многие католические священники, имеющие большое влия-

ние и на массу верующих, начали изучать древние памятники христианства на Востоке и на Западе. Они в особенности увлеклись греческими отцами Церкви, которые являются столпами и мерилами нашей Православной веры. В Германии и, в особенности, во Франции, появилось множество книг, статей и брошюр посвященных «возврату к истокам», к общему Православию и Католичеству преданию. С такими католиками мы уже можем говорить на общем языке, понимая друг друга, многому можем от них научиться, многое можем узнать об нашем собственном Православии, чего мы раньше, по нашей лености, и не замечали. В них мы видим подлинных друзей, заинтересованных не вылавливанием отдельных душ в целях нездорового прозелитизма, а углублением в истинное церковное предание, общее Востоку и Западу, находимое того, что уже составляет наше Единство.

Но, увя, до сих пор, эти движения не нашли в Риме ни понимания, ни сочувствия. В энциклике «*Humani Generis*», Святейший Престол выразит свою верность наследию средневекового папства, с его богословием, созданным уже в отрыве от Востока и вопреки его оппозиции. Папа предостерегает своих пасомых против увлечения «иренизмом» — т. е. миролюбивым отношением к христианам иных исповеданий, против тех, кто хотел-бы перетолковать в свете древнего христианства, позднейшие постановления Римского Престола. Философия Фомы Аквината, неприемлемая для православных, снова провозглашается мерилем всякого богословствования. «Схоластическое» богословие снова навязывается в качестве единственно возможного в католичестве.

Конечно, энциклика придерживается очень общих выражений: никто не подвергается формальному прещению, никакие пути, в принципе, не закрываются. Однако, она свидетельствует о том, что на настало еще время, когда подлинные ревнители Единства христианского мира, которых все больше делается в католичестве, будут иметь голос в Риме.

**

Вторым событием, привлекающим наше внимание, является провозглашение 1-го ноября папой догмата о телесном Преставлении Богоматери. В первый раз, после Ватиканского собора, папа высказался «*ex cathedra*» по вопросам веры, т. е. употребил непогрешимый авторитет, признаваемый католической Церковью за Римским Престолом.

Содержание догмата заключается в том, что Божья Матерь вместе со своим телом прославлена Своим Сыном.

Предание об этом событии хранится и Православной Церковью. С VI-го века, оно закреплено литургическими текстами и святоотеческой литературой. В нашей службе праздника Успения

Божьей Матери ясно исповедуется, что Приснодева Мария вознесена не только душою, но и телом на небо. Православной Церковью никогда не почитались мощи Богородицы — новое свидетельство о том, что Ее телесных останков нет на земле.

Однако, с православной точки зрения, можно высказать некоторые недоумения по поводу провозглашения папой догмата о телесном прославлении Девы Марии.

Текст догмата представляется неясным относительно смерти Богородицы. Мы веруем, что Приснодева умерла естественной смертью, той самой, которая царствует над человеческим родом после грехопадения. Наши богослужебные тексты говорят о Ее телесном прославлении после смерти, силой Воскресения Христова, той силой, которая и нас всех выведет из гробов в конце мировой истории, силой победившей грех и смерть. Предвосхищение в Деве Марии общего воскресения, возможно было благодаря Ее близости со Своим Сыном, близости недоступной никому из нас. В католической же Церкви, существует учение о Непорочном Зачатии Приснодевы, так-же возведенное в догмат в 1854 году, по которому Богородица, при самом своем зачатии, уже была освобождена от первородного греха, а следовательно и от смерти. Таким образом, Она могла и не умирать. Эта мысль последовательно проводится в некоторых кругах католических богословов «схоластического» типа. Она же питает, в известной мере, и народное благочестие на Западе; достаточно напомнить об огромной популярности праздника «*Immaculata Conceptio*». Православное церковное сознание не принимает ни Непорочного Зачатия Богоматери, ни этого типа благочестия, а поэтому, оно не может не опасаться, как-бы догмат о телесном прославлении, текст которого явно связывает Непорочное Зачатие и Успение, не закрепил бы эту линию благочестия и это богословие в католичестве, несмотря на то, что сам факт телесного прославления Богоматери не отрицается Православными. Правда, некоторые католики, представляющие близкие к нам течения, пытаются истолковать оба догмата — о Непорочном Зачатии и об Успении — в более приемлемом для православных смысле, не связывая один с другим. Они находят основание для своих взглядов в древних латинских богослужебных текстах, утверждающих естественную смерть Богоматери и последующее Ее прославление. Для нас предствляется очевидным, что именно эти католики являются подлинными представителями древнего западного христианства, т. е. единого и истинного. Но опять же — как свидетельствует и энциклика «*Humani Generis*», — современный Рим остается пока глухим к этим тенденциям...

Как-бы не прискорбно было это положение, мы должны молиться и надеяться, что оно изменится. Слишком много подлинной

святости; Подлинного, бескорыстного изучения древнего и общего с нами христианского предания мы находим среди католиков, чтобы Истина не восторжествовала даже там, где ей пока нет места. Только она одна может нас привести к желанному единству с великой Западной Церковью. Только содействуя ее торжеству, можем мы послужить и самим нашим братьям-католикам.

И. Мейендорф.

РИМ И СВЯТОЙ ГОД

Недавняя поездка в Рим, где я была на Мировом Съезде Католиков восточного обряда, **возбудила** во мне много противоположных мыслей, и оставляла огромное богатство разнообразных, порою ярких, порою глубоких впечатлений.

Что в общем поражает в Риме, это та особая гармония и целостность его земных и небесных сторон (красота древне-языческих развалин, одухотворенность первохристианских памятников, великолепие католических храмов, и т. д.). — Это впечатление гармонии захватывает все существо, когда смотришь на общий вид Рима с Пинчио или с Палатина: яркость и богатство переливающихся красок заката над «Вечным Городом», кажется выражают все возможности земной красоты, в особой прозрачности воздуха и изумительной чистоте света есть живая всеобъемлющая духовность, которая наполняет сердце радостью.

Ватикан и 4 римских Собора производят разные впечатления. На фоне южного неба, внешний вид Собора Св. Петра удивляет своей легкостью, несмотря на величину. Внутри Собора, очень интересны произведения Микель-Анджело и Бернини, но в нем не чувствуешь себя в церкви, и сама гробница Ап. Петра производит неуместно светское впечатление. Базилика Св. Иоанна Латеранского немного разочаровывает своей угрюмостью. В ней хранятся головы Св. Павла и Иоанна; там-же находятся стол, на котором, по преданию, Христос с учениками совершал Тайную Вечерю, и «ясли Господни». Между прочим, меня удивило, это Римская Церковь хранит во многих храмах реликвии, происхождение которых весьма сомнительно. Хотя, должна сказать, что «стол Тайной Вечери» вызвал во мне, вопреки моему вооруженному скептицизму, необъяснимое чувство его подлинности и благоговения. Базилика Св. Марии, в своем роде, исключительно хороша. Интересен ее богато разрисованный золотом, плоский потолок. Подобные потолки и их отсутствие стремления в высь, которые встречаются во многих римских храмах, говорят вызваны были желанием сосредоточить внимание верующих не на небе, а на Престоле, где присут-

ствует Христос в Святых **Дарах**. Менее величественная, но самая красивая, это базилика Св. Павла, в которой находится древняя мозаика в византийском **стиле** и два малахитовых престола, дар русского Императора. Из четырех базилик, она мне показалась наименее чуждой православному духу. Но лучшие древние иконы находятся в маленьких церквях Рима.

Очень характерны и живописны процессии паломников, поющие молебны во всех римских Соборах для того, чтобы получить индульгенции Св. Года. Конечно, особенно было красиво паломничество представителей восточного **обряд**, с участием замечательного монашеского хора семинаристов и священников Руссикума. В атмосфере этих паломничеств чувствовалась не только эмоция внешних впечатлений, а несомненно узнавалась и та благодать духовной соборности, которая дается, независимо от вероисповеданий, людям собравшимся во имя Христа. Переживание этой соборности **общей** молитвы, мне кажется и является единственной, реально-осуществимой возможностью единства Церкви в настоящее время, при историческом разделении Ее на отдельные вероисповедания.

Папа принимает группы паломников в Соборе Св. Петра. В ожидании его, хоры поют молитвы на разных языках. Наконец появляется Папа, среди народа, машущего платками, аплодирующего и радостно вопящего на всех языках: «Heil, слава, viva il Papa!». Экспансивность итальянцев заражает здесь вообще всех, и в этой семейной атмосфере всеобщего ликования шествие Папы с его гвардией, которого несут в кресле над толпой, абсолютно не шокирует. Вид всего этого производит сильное впечатление. Но невольно возникает вопрос — где же за всем этим земным величием «Премника», образ скромно стоящего Христа?... Сама же личность Пия XII поражает своим контрастом с окружающей его помпой. Он совершенно не похож вблизи на свои снимки. Здесь он худой и бледный аскет, скромно благословляющий людей, в его лице и во взгляде искрится особая духовность и доброта и, благодаря его присутствию, в этом торжестве был христианский свет. Подойдя к русской группе, подносящей ему икону Успения Божьей Матери, он давал благословение и говорил о своих молитвах за страждущий русский народ.

Бесконечно глубокое впечатление оставляют первохристианские места. Все, что прежде было абстрактным, здесь вдруг **восстает** в живой реальности, реальнее теперешнего мира суеты. Это чувство «Присутствия» происходит не от воображения, а определенно от особой духовности этих мест, бесследно растворяющей всякие сомнения и скептицизм. Замечательно красивы ночной крестный ход и вечерня в Колоссеуме. Во тьме, стены арен выглядят

как будто не проходили века и римское величие, но на месте ложи Цезаря стоит простой, высокий крест в знак победы мучеников над язычеством. Особенно поразила меня ранняя литургия в катакомбах.

Много способствовало этому молитвенному духу присутствие среди паломников Владыки Болеслава, латвийского епископа латинского обряда, проведшего несколько лет в ссылке в Соловках. Увидя его впервые, мне инстинктивно вспомнилось когда-то прочитанное выражение: «он пронизан каким-то благодатным светом». Всякий, кто подходит к Вл. Болеславу, независимо от вероисповедания, психологии, ума, чувствует себя насквозь понятым и через него находит снова свое затерянное истинное «я» и веру в Град Китеж. Если бы в Католичестве и в других Христианских вероисповеданиях больше бы встречалось подобных духовных лиц,—живущих Христом и ничем другим—то мне не кажется, это привело бы к разрешению всех недоразумений, ссор и разделений Христианской Церкви.

Несмотря на все, что встречается в Католичестве нам чуждого или неприемлемого, мы все же многому можем у них поучиться. Если Англикано-Православные Съезды научили меня лучше любить свое Православие, то живой контакт с Римско-Католической Церковью, как никогда углубил мою любовь к Православной Церкви.

Е. Лямина.

МИССИОНЕРСКАЯ ПОЕЗДКА В РАЙОН ФОРБАХ—НИЛЬВАНЖ

Очередная миссионерская поездка состоялась с 10-го по 12-ое ноября 1950 г. Ее объектом были районы Форбаха и Нильванж на Востоке Франции у границы Сарской области и Люксембурга. В поездке приняли участие протоиерей Антоний Карпенко и священник Алексей Князев. Миссионеры выехали 10-го утром из Парижа, в 3 часа дня они были уже в Форбахе. Там их встретил местный православный священник, о. Валентин Бахст, который, в нескольких словах ознакомил прибывших батюшек с условиями религиозной работы среди его прихожан, принадлежащих почти что целиком к новой эмиграции и работающих в очень тяжелых условиях на каменно-угольных шахтах, разбросанных вокруг Форбаха. «Здесь не только, сказал о. Валентин, приходится все дело обучения в вере Христовой начинать с самого начала, организовывать церкви, налаживать богослужения, но и постоянно бороться с пропагандой всеразличных униатов, католиков и сектантов».

Из Форбаха миссионеры отправились в один из шахтерских

поселков, в так называемую «Ferme de Scheneck», где их встретила целая ватага детишек от 7-ти до 3-х лет, говорящих на помеси из белорусского, украинского и эльзасского наречий. Дети проводили миссионеров в семью местного церковного старосты, г-на Ф., старого эмигранта, очень церковного человека, вот уже около двадцати лет работающего на шахтах. Туда вскоре подоспел и о. Валентин, выехавший из Форбаха на велосипеде по различным приходским делам. Вскоре в домик, занимаемый г-ом Ф. стали приходиться один за другим отдельные прихожане для того, чтобы познакомиться с миссионерами и побеседовать с ними. Все это белорусы или украинцы (великоруссов почти нет), оторванные мировой катастрофой от родного края и неожиданно оказавшимися углекопами в неизвестной им доселе Франции. Рассказывают о своем теперешнем житии-бытии, о работе на шахте, о своих заботах. Все бесконечно признательны о. Валентину за то, что он, благодаря своему прекрасному знанию французского языка, успешно хлопочет за них перед местной администрацией и дирекцией шахт, устраивает на работу, составляет прошения, выхлопывает документы. Беседа коснулась и вопросов веры и Церкви. О. Антоний Карпенко, хорошо осведомленный в украинских церковных делах, разъяснил прихожанам о. Валентина как православный христианин должен относиться к различным украинским церковным группировкам. Беседа продолжалась до ночи. От семьи Ф. миссионеры пошли в те дома, где им были гостеприимно приготовлены ужин и ночлег.

На другой день в барак предоставленный дирекцией шахт о. Валентину для сооружения в нем Церкви, собралось около 20-ти человек прихожан из новых эмигрантов. После краткого молебствия о. Алексей Князев провел беседу на тему: «Что такое крещение?». Она была выслушана с большим вниманием. Затем миссионеры ответили на несколько вопросов заданных слушателями, прочитали молитву и начали прощаться. При прощании им было высказано единодушное пожелание: «Не забывайте нас и приезжайте к нам опять».

Из «Ferme de Scheneck» миссионеры пошли в Bruhc, другой поселок населенный новыми беженцами. В Bruhc'e о. Валентином уже сооружены в бараке постоянная церковь и библиотека-читальня. Там собралось около 17-ти человек прихожан. Отслужили молебен и о. Антоний Карпенко провел беседу на тему: «Что такое религия и каково ее значение для человека». Вопросов оказалось больше, чем после утренней беседы и разговор был более оживленный. В конце беседы и здесь миссионерам было высказано пожелание: «не забывайте нас».

Пообедав у прихожан, миссионеры отправились в Форбах и

все время оставались под впечатлением своей духовной встречи с **новыми беженцами**.

Много говорится и пишется о так называемых **Д. П.**, но нигде, к сожалению, не ставится вопрос о методах проповеди среди них. **Даже если многие из них не были затронуты воинствующим безбожием и диалектическим материализмом**, то все оказалось выросшими в воспитанной вне религии. Почти что все ходят в церковь и любят долгие богослужения, **но далеко не все знают, что такое религиозная жизнь, для чего она дана человеку**, а также, что принес и приносит человеку Христос. Как правильно говорит о. Валентин, нужно все начинать с начала. И это нелегко, так как многих, благодаря всем их переживаниям и зачастую очень трудным условиям работы, уже успел затронуть жизненный скептицизм. И на какой высоте, если не святости, то во всяком случае духовности и любви должен **быть** тот, кто желает по настоящему работать во имя Христа на этой новой ниве, неожиданно открывшейся перед нашей эмигрантской Церковью!

Положение священника на приходе из новых беженцев коренным образом отличается от того сравнительно спокойного и налаженного положения, которое создалось в **нашем** старо-эмигрантском быту. Нет организованной богослужebной жизни, т. е. нет благоустроенных храмов, нет опытных псаломщиков или регентов. Зачастую нет и постоянной квартиры. О. Валентин все время проводит в разъездах, хлопотах, посещениях отдельных прихожан. Во время служб ему часто самому приходится руководить и хором. Нет у него ни богослужebных книг, ни утвари церковной в достаточном количестве для обеспечения всех **обслуживаемых** им общин. Нет даже и просто православной религиозной литературы на живом, простом доступном языке, которую можно было бы раздавать прихожанам, дабы противодействовать пропаганде сектантов, забрасывающих форбахских прихожан своими религиозно-безвкусными листовками. Надо на все отвечать самому путем личного общения и, для этого, **всюду** успевать. Не на что приобрести хотя бы велосоту, что бы не чрезмерно уставать от постоянных передвижений. **Н**ужны также и наезжающие из центра проповедники и лектора, чтобы ни «прихожане из Д. П.», ни работающий среди них священник не чувствовали себя забытыми, покинутыми и предоставленными собственной судьбе.

В Мец миссионеры прибыли к 6 ч. в., откуда они отправились в Нильванж. В Нильванже — совсем иная обстановка. Это — старая колония из старых эмигрантов, одна из выдающихся православных русских общин во Франции. Ее особенно любил и выделял покойный митрополит Евлогий. Ею долгие годы руководил пастырь - подвижник о. Симеон Великанов — то-же ныне покой-

ный, который, несмотря на то, что разошелся в 1946 году со своими прихожанами в юрисдикционном вопросе и в политических взглядах, до сих пор вспоминается всеми бывшими своими пасомыми с исключительной теплотой и нежностью. В настоящее время во главе прихода стоит совсем недавно назначенный и прибывший в Нильванж о. протоиерей Борис Молчанов, который, благодаря своему пастырскому опыту и мудрому руководству общиной, уже успел снискать всеобщую любовь и уважение.

Миссионеров у остановки автокара встретила группа прихожан и проводила их в великолепный благоустроенный храм, где уже кончалась всенощная. Когда миссионеры входили в Церковь о. Борис творил отпуст первого часа. Тотчас после отпуста о. Алексей Князев сказал краткое слово о происхождении и значении всенощного бдения. Час был уже очень поздний. Вечер и ночь миссионеры провели в семьях нильванжских прихожан. На другой день состоялась, **при** большом стечении молящихся, торжественная литургия, которую совершил о. настоятел, прот. Б. Молчанов, в сослужении о. о. А. Карпенко и А. Князева. В конце литургии о. Антоний Карпенко произнес проповедь на тему о значении отдельных моментов божественной литургии. Затем, в 5 ч. вечера, в «Русском Доме» состоялось многолюдное собрание, на котором о. Алексей Князев выступил с лекцией о православии, католичестве и протестантизме. После лекции миссионерам в течение 2-х часов пришлось отвечать на всевозможные вопросы **даваемые** аудиторией, не только по поводу доклада, но и по поводу всех религиозных запросов, накопившихся у нильванжских прихожан за долгие годы: спрашивали и о новом Ватиканском догмате и о Евтихии, об учении о власти у ап. Павла и о Серафиме Саровском, об Отцах Церкви и об отношении религии к науке. Вопросы могли бы еще продолжаться, но наступил час, когда надо было передавать зал для других надобностей. Пришлось пропеть молитву, попрощаться и разойтись по домам. В ту же ночь миссионеры выехали в Париж.

Как форбахские, так и нильванжские прихожане просили миссионеров непременно вернуться к ним. И те и другие были готовы принять их вновь на Рождество. Все это говорит о том, что и в старой и в новой эмиграции несомненно пробудился интерес к слушанию Христовой проповеди. И это отчасти понятно: с одной стороны мир сейчас совершенно определенно разделился на Христовых и **на** отвергающих Христа, с другой стороны, как будто опять встает призрак грозных событий. Но если жатвы много то делателей мало. Мало их у нас православных русских совсем не по причине духовного оскудения, а по причине малолюдия: наша Цер-

ковь — эмигрантская, старшее поколение в ней начинает приближаться к преклонному возрасту, а младшее поколение в старой эмиграции вообще оказалось чрезвычайно малочисленным. Но силен Господь явить новых деятелей. Будем же с твердым упованием продолжать дело проповеди Христовой, несмотря на наши скудные средства. Ибо и к нам обращено слово повелительное: «идите по всему миру и проповедайте Евангелие всей твари» (Мк. XVII, 15), а также и слово утешительное: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил вам царство» (Лк. XII, 32).

Священник.

О ЦЕРКОВНОЙ РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ ИЗ РОССИИ

«От Господа стопы человека исправляются». Пс. 36.

Взявшись написать статью о религиозной работе с молодежью, большая часть жизни которой прошла в Советской России, я полностью сознаю всю трудность этой темы, всю невозможность составления неких «инструкций». Религиозная работа, это — не шахматное поле, по которому, по определенному плану и законам, движутся к своей конечной цели бездушные фигуры. Каждая встреча с новым человеком ставит новые вопросы, и лишь с большим трудом можно наметить то, что является общим почти для всей молодежи, покинувшей Россию за последние десять лет, пришедших на Запад с начала мировой войны. Поэтому задачей настоящей статьи является лишь желание поделиться тем скромным опытом, который мне в данной области удалось приобрести. Если на эту статью откликнется молодежь, которая сама проделала этот путь «от марксизма к православию», то это лишь подтвердит мое убеждение, что тема эта необычайно актуальна. Необходимо еще одна оговорка. Впечатления, на основании которых я хочу писать, относятся к годам последней войны и первых послевоенных лет. В основной своей массе это молодежь, покинувшая Россию лет восемь или шесть тому назад. Война и послевоенный период внесли большие изменения, как в политическую жизнь, так и в настроения народа. Здесь действует и необычайный подъем военных лет, и горечь разочарования, что надежды на перемену советской власти к лучшему обернулись новым, небывалым духовным и физическим террором. В жизни Церкви и советской России тоже произошли большие сдвиги, отразившиеся и на состоянии душ людей. Из гонимой и преследуемой Церкви, или по крайней мере часть Ее, стала как бы на сторону ненавистной власти. Какова духовная реакция на это событие? Удалось ли верующим в России провести мучительную для верующего сознания грань

между недостойными священнослужителями и Церковью? С другой стороны, даже та жалкая «свобода», которую имеет сейчас Церковь в советской России была немыслима в довоенные годы. Замолчать Церковь советской власти не удалось И то, что послевоенная советская печать пестрит призывами «к усилению борьбы с религиозными предрассудками молодежи» подтверждает это. О том, каких размеров эти «предрассудки» достигли при свободной церковной работе в занятых немцами областях в годы войны, может рассказать всякий, побывавший там. Крест Христов, такой же «соблазн и безумие» для марксистов, каким он был для иудеев и эллинов эпохи апостола Павла, торжествовал свою очередную победу... Кто впоследствии видел те многочисленные церкви, которые были созданы этими людьми в Германии или, в те же годы после войны, участвовал в церковной работе с молодежью, никогда не будет отрицать подлинного и глубокого влечения к Церкви молодежи из России. Но ничто значительное не дается даром. В душе молодого человека, встретившегося с Церковью, зреет часто долгий и мучительный процесс. Старое не уходит без боя. Внешние проявления этого процесса часто склонны расценивать, как отталкивание от Церкви, как «советскую закваску...». К тому, как мы можем помочь этому «нахождению себя» я и хочу теперь перейти.

Необходимо понять, что человек, особенно молодой, попадая из советской России в Западную Европу нередко переживает разочарование. Упоение земными благами, которых он был лишен в советской России, бывает недолговечно. Дело в том, что изолгавшаяся советская пропаганда развила в людях склонность идеализировать все то, что пропаганда обливает грязью. Попадая на Запад, он, вместо того, чтобы увидеть «страну святых чудес» окунается в серые будни застоявшегося европейского благополучия. В советской России страстно борются против религии, противопоставляя ей псевдо-религию марксизма — на Западе религию, как правило, игнорируют. Встреча с русской довоенной эмиграцией далеко не всегда ослабляет это разочарование. По-своему гордые пережитыми страданиями эти люди нелегко признают авторитеты. Многократно и горько обманутые, они отнюдь не являются доверчивыми детьми. При таком состоянии всякое сентиментальное причитание над ними, всякая попытка «наставить на путь истинный» встречает с их стороны резкий и решительный отпор и недоверие. Они, часто мучительно ищущие человека, с которым можно было бы искренно и откровенно поговорить, получить разъяснения по многим волнующим их вопросам, сразу замыкаются в самих себя, или даже начинают, с пеной у рта, защищать комсомол и даже марксизм, затаив в душе все вопросы, готовые вырваться наружу.

Или, напротив, облекаясь во внешнее безразличие, пытаются вызвать впечатление равнодушия к услышанному — в душе же невысказанный, волнующий вопрос «неужели правда?». Этот иногда высказываемый, чаще невысказанный вопрос является, быть может, самым характерным вопросом для этого первого движения к религии — движения часто неумелого и производимого на-ощупь. В чем же заключается наша помощь этому первому движению? Во всяком случае не в новом каскаде слов и «проблем» или, во всяком случае, не только в этом. Наша эпоха позаботилась о том, чтобы лишить слово его абсолютной ценности и значения. Слово требует своей «реабилитации» делами. И чем меньше будет расхождения между словом и делом, чем больше бескорыстного и жертвенного служения Церкви будет нам явлено, тем больше будет и достигнутый нами результат. Священник, под рясой пронесший в лагерь для осужденных на насильственную репатриацию ножницы для разрезания колючей проволоки, и сам рисковавший разделить за это участь осужденных, пользовался впоследствии таким авторитетом и любовью, что его отъезд переживался его молодой паствой как тяжелая утрата. Каждое сказанное им слово падало на благодарную почву.

Но сохранить и закрепить раз завоеванный авторитет может быть еще более трудно, чем само завоевание его. Здесь вопрос не только в том, чтобы священник или человек, которого условно можно назвать духовным руководителем, оставался на должной высоте, чтобы в ежедневных будничных встречах образ его сохранился непотускневшим для людей, вверивших ему свои души. Здесь есть большая опасность того, что в погоне за скорым духовным ростом недавно лишь обратившихся к Церкви, руководитель своей любовью «садится им на шею». — «Полное оцерковление жизни» часто бывает не под силу тем, кто о Церкви лишь недавно услышал. Здесь необходима мудрая постепенность, что, однако, ни в коем случае не должно превращаться в выведение учения Церкви из естественных основ мира («религия, мол, тоже научна»). Это приспособление Церкви к духу нашего времени, быть может, и имеющее благие цели, кажется мне ложным. С первого слова необходимо утверждать со всей решительностью, что Церковь «в мире, но не от мира», что жизнь Ее движется в областях, которые миру не подсудны. Если наука совпадает с церковным учением, тем лучше для науки. И опыт подтверждает, что именно так и нужно ставить вопрос.

Если можно говорить о чем-то главном в работе привлечения к Церкви молодежи из советской России, то это главное можно было бы назвать «восстановлением веры в человека». Атеизм никогда не ограничивается отвержением Бога — тем или иным пу-

тем он ведет и к борьбе против человека, к отрицанию за ним образа Божия. Тут с той же силой выступает требование соответствия слов делам, о котором речь была выше.

Еще один вопрос требует нашего рассмотрения. Это вопрос национализма, который играет необычайно важную роль в сознании молодежи из России. Вопрос этот требует очень бережного отношения к себе — так, напр., огульное осуждение того, что имеется в современной России встретить со стороны молодежи резкий решительный отпор. Во многое, что создавалось там, эта молодежь вложила свое горение и свою жертву и только за собой признает она право суда. Больше того — именно то, что народ, вопреки власти или помимо нее, сумел добиться великих достижений (примером может послужить последняя война) и вселяет в молодежь уверенность, большевизму никогда не удастся до конца поработить Россию. Эти чувства еще усиливаются при встрече с Западом, которые, как было отмечено выше, часто связаны с большими разочарованиями. Как «христианизировать» это чувство любви к своему народу, могущее стать мощным двигателем духовной жизни? Вопрос этот тем более сложен потому, что сама Церковь в эмиграции мучительно переживает эту проблему. Людям, мало знакомым с Церковью особенно трудно бывает избегнуть соблазна церковного национализма, отказаться от восприятия Церкви, как некоего, пусть необходимого, но «добавления» к национальной стихии. Нечего и говорить о том, как это ограничивает возможности духовной жизни. Властная, чувственно осязаемая национальная стихия легко заглушает религиозные темы, которые звучат в «сокровенном сердце» человека. И здесь начинается громадная задача для того, кто избег этого соблазна церковного национализма, одновременно не превратившись в «Ивана, не помнящего родства». Мы должны дать почувствовать нашим братьям из России, что история нашего народа, как древняя так и новейшая, не только вдохновляет, но и обязывает к критической оценке в свете церковного учения. Но для этого мы сами должны чувствовать себя неразрывно связанными с судьбами России, с ее трагической и величавой судьбой. Без этого между нами, и молодежью из России всегда будет пропасть непонимания — т. е. лучшая часть этой молодежи никогда не вычеркнет из своей жизни темы России.

Правильное сочетание путей Божиих с человеческими путями и есть самая тяжелая задача христианина. Пусть Бог поможет нам нести, по мере наших сил, на этом пути тяготы друг друга.

К. Фотиев.

ДУХОВНАЯ ПРИРОДА КОММУНИЗМА

(Доклад, прочитанный для английской молодежи в ноябре 1950 г.)

Я не являюсь ни социологом, ни политическим оратором. Но я христианин, которому по воле Божьей удалось спастись из СССР, хотя многие мои братья и сестры по вере погибли там в неравной борьбе. Проведя 25 л. в стране, где коммунисты стоят у власти, я считаю своей обязанностью делиться своим личным опытом со всеми, кто судит о коммунизме только на основании книг, газет и др. способов пропаганды. Но к вопросу о коммунизме я постараюсь подойти исключительно с точки зрения верующего христианина.

Основной вопрос, который я должен рассмотреть, сводится к следующему: разрешила ли коммунистическая революция в Советском Союзе социальный вопрос? Я думаю, что и Вы все интересуетесь иметь ответ на этот злободневный вопрос. Но, чтобы ответить на него, я должен напомнить Вам, какие цели ставила перед собой революция 1917 г.

Когда произошла эта революция, следующие обещания были выдвинуты Лениным и его партией:

1) Полная свобода всех трудящихся от капиталистической эксплуатации.

2) Равенство всех в правах и обязанностях.

3) Всеобщий мир.

4) Общее благосостояние, когда каждый трудящийся будет работать для общего блага, а не для «прибылей капиталистов и помещиков».

Таковы были многообещающие лозунги коммунистов, и русский народ поверил им; он был утомлен после 3 лет первой мировой войны и конечно желал мира и благоденствия.

Однако, я доложу подчеркнуть, что население России в 1917 г. совершенно не являлось коммунистами; оно было только обольщено Коммунистической Партией и не могло противостать искушению поверить обещаниям программы коммунистов. Ведь партия эта обещала народу гораздо больше, чем какая-нибудь другая партия, и наш народ, еще столь юный и неопытный в политическом отношении, соблазнился ею, пошел за коммунистами — и теперь несет тяжелые последствия этого решения...

Есть очень много доказательств того, что население России в 1917 г. не было коммунистами — и я убежден, что и теперь оно не является коммунистами в своем большинстве.

О непопулярности коммунистического режима в последние годы перед войной с Германией свидетельствуют и первые неудачи Красной армии в 1941-42 г.г. Солдаты сдавались массами, потому

что не желали защищать режим. И только на 3-ий год войны, когда народ увидел, что Гитлер несет ему голод и фашистское рабство — чувство патриотизма возродилось и борьба приобрела смысл. Тем не менее, около 2 милл. военнопленных и рабочих вывезенных немцами в Германию отказались от репатриации и предпочли остаться в лагерях УНРРА и ИРО, хотя многие были насильственно возвращены в Сов. Союз.

Поток беженцев из СССР и захваченных коммунистами стран не прекращается и до сих пор. Но очень характерно то, что бегут не только антикоммунисты, но и люди чуждые политики, и даже члены партии (подобно Кравченко, полк. Токаев и др.).

Все это говорит, что население России и других стран является жертвами жестоких преследований фанатиков коммунизма.

Поэтому я хочу спросить Вас:

Почему все эти люди бегут из Сов. стран?

Почему я сам, как и многие мои соотечественники, работающие в Англии, не хотят возвращаться на родину?

И почему существует Железный занавес, разделяющий мир на две части?

И если Вам, иностранцам трудно бывает ответить на эти вопросы, то я могу засвидетельствовать сегодня, что все это происходит потому, что прекрасные лозунги коммунистов не были осуществлены!

Если бы это было не так, то какой был бы смысл скрывать новый социальный порядок и счастливую жизнь в Сов. Союзе? Зачем нужно было приостановить всякий обмен опытом между Сов. Союзом и другими странами? Почему запрещен въезд иностранцам в СССР и поездки советских граждан за границу?

И вот я обязан сегодня объявить Вам, что, несмотря на 33 года борьбы, жертв, страданий и лишений мы не видим там осуществления обещанных коммунистами благ. Вместо этого мы имеем:

1) Полную эксплуатацию трудящихся, так как вместо многих капиталистов мы имеем в СССР только одного предпринимателя — всеильное коммунистическое Государство, власт которого гораздо тяжелее и многостороннее, чем зависимость от частного предпринимателя.

2) Никакого равенства, так как наряду с нищетой и бесправием имеются привилегированные классы членов Коммунистич. Партии, высших чиновников и местных властей, которые живут в полном довольстве и роскоши. А на ряду с этим имеются и несчастные заключенные концентрационных лагерей, жизнь которых Вам даже трудно себе представить...

3) Нет и обещанного мира, так как с 1917 г. СССР страдает

от непрекращающейся внутренней войны, в которой порабощенный, разочаровавшийся в режиме народ всячески терроризируется. Он не только не может выразить своего мнения, но и постоянно живет в атмосфере страха и принуждается голосовать за коммунистов и выражать благодарность Партии и особенно Сталину.

4) В СССР нет и благоденствия, так как трудящиеся имеют столь низкий уровень жизни, что он не только ниже до-революционного, но и может быть сравним только с наиболее отсталыми колониальными народами. Все экономическое и промышленное развитие СССР, которым коммунисты гордятся, служит не благоденствию населения, а целям политического и военного господства над всем миром. **Коммунисты совершенно забыли об интересах трудящихся и принесли их в жертву своим планам о господстве над всем миром.** Они рассчитывают, что отсталые народы Азии и Африки, мечтающие о свободе и довольстве, пойдут также за обещаниями коммунистической пропаганды. Но в этом случае возникнет величайшая угроза всей христианской цивилизации, которая погибнет под натиском обманутых коммунистами колониальных наций. Такова действительность жизни в СССР, которую я испытал вместе с моими соотечественниками. Каждый из них, если бы мог говорить свободно и без страха, мог бы Вам рассказать о том же.

Но мы с Вами являемся христианами, а поэтому нам **нужно** не только знать о фактах, но понимать, в чем заключается основная ошибка коммунизма и почему такое громадное движение с целью исправить нашу общественную жизнь привело нас только к новому виду рабства и поставило перед нами угрозу новой мировой войны?

Наше христианское сознание находит источник заблуждений коммунизма в **ложном пути разрешения социальной проблемы.** Все роковые неудачи коммунизма имеют определенные причины духовного порядка: он отверг христианские пути в жизни и впал в величайшее искушение — то самое, о котором нас предупредил Господь Иисус Христос. 19 веков тому назад Он был искушаем в пустыне. «И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то веди этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким Словом Божиим». (Луки, гл. 4, 3-7).

Если мы подумаем о современном коммунизме в свете этих слов Иисуса Христа, то мы должны понять самую суть его природы: он желает накормить человечество, но лишает его Слова Божия — и человек страдает от голода и телесного, и духовного, как мы это видим в СССР. Это есть новая попытка построить счастливую жизнь на земле **только** своими руками, **создать на зем-**

ле рай без Бога. Конечно, всякая такая попытка обречена на неудачу.

Я думаю, что Вы согласитесь с такой характеристикой сущности коммунизма, потому что и сами коммунисты против нее не возражают. Но обычно предпочитают скрывать эту духовную сторону своего учения и подчеркивают главным образом его гуманитарные и общественные цели. Но если кто-нибудь захочет коснуться основного вопроса об взаимоотношениях человека и Бога, то коммунисты должны согласиться, что **основой их политики является воинствующий атеизм.**

Действительно, по Карлу Марксу весь коммунизм основан на чисто материалистических воззрениях. Ленин и Сталин учат, что каждый член коммунистической партии должен быть совершенно чужд каких-либо религиозных понятий. А устав Всесоюзной Коммунистической Партии требует, чтобы каждый ее член, связанный с какой-либо религиозной организацией или позволяющий это кому-нибудь из членов своей семьи, должен быть исключен из партии.

Вся политическая и социальная деятельность коммунистического государства всегда направлена против всяких религиозных объединений, как христианских, так и не христианских. В каждой стране, где коммунисты приходят к власти, мы видим, что наряду с новым социальным порядком они начинают преследовать всякую религию. Они закрывают церковные школы, монастыри, больницы и приюты; они запрещают преподавание закона Божия лицам моложе 18 лет; они конфискуют все церковное имущество, включая и здания церквей, которые могут быть только сдаваемы в пользование общинам верующих. Но наиболее яростному преследованию подвергаются священники, которые отказываются признать все эти гонения и пытаются защищать права верующих и принцип религиозной свободы.

Эта вражда ко всякой религии вполне понятна, так как всякая религия учит повиновению **высшим, сверх-земным идеалам**, а для коммунизма наивысшим принципом является чисто земное государство и его материальные интересы. Все это провозглашается ими в форме своего рода религии — религии фанатической, нетерпимой и жестокой. Поэтому каждая религия является врагом коммунизма, ибо нельзя быть одновременно и христианином и членом коммунистической партии, ведущей войну против всякой религии. Значит, надо прежде всего разрушить религию в душах людей, чтобы они могли быть коммунистами или служить без всяких оговорок коммунистическому государству. А так как в тоталитарном государстве не может существовать ни свободы слова, ни свободы для политической деятельности, то и религия может

существовать только поскольку она поддерживает коммунистический режим.

В Сов. Союзе с самого начала революции Православная Церковь перенесла самые жестокие гонения. Все церковные учреждения были закрыты, церкви разрушены или взяты под хозяйственные нужды. Сотни тысяч епископов, священников и мирян умерли в концентрационных лагерях, поскольку они не желали признать зависимость Церкви от безбожного государства.

В Сов. Союзе многие верующие подвергаются наказаниям, потому что не признают новую церковную власть, зависящую от коммунистов. И если мы теперь слышим о так называемой «легализованной» Русской Православной Церкви, или о «Народных Церквях» в Венгрии, Румынии или Чехословакии — то это означает, что коммунистам, удалось наконец найти таких предателей, которые согласились на подчинение их Церкви власти безбожного коммунизма... Я думаю, что сказанного достаточно, чтобы показать Вам антихристианский облик коммунизма.

Каждый христианин знает, что справедливая и разумная жизнь — как личная, так и общественная — может быть построена только на христианских принципах; что ни личность, ни государство не могут быть счастливы и спокойны без верности Господу Богу и Его вечным заповедям. Поэтому для меня бесспорно, что всякое возмущение против Всевышнего Бога и Его законов не может принести человечеству ничего, кроме потоков крови и слез, что мы и видим в Сов. Союзе и в других странах.

Я убежден, что счастливая и мирная жизнь здесь на земле может быть установлена только как одна из форм Царства Божия. Поэтому никакого счастья и довольства не может быть создано руками нечестивых и беспринципных фанатиков, признающих только материю и силу оружия. «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся» строящие его; «Если Господь не охранит рода, напрасно бодрствует страж».

* *

ПАМЯТИ М. М. ОСОРГИНА

Мы христиане знаем, как после своей смерти вырастает человек и его дело в сознании любивших его и как отпадает от образа благочестно усопшего то, что оставалось в нем еще не до конца преодоленным.

Так случилось это и с Михаилом Михайловичем Осоргиным. Сразу же по его кончине перед духовным взором любивших его вырос он сам, выросло его дело и стало как бы бывшим все, что у него, как у каждого могло понуждать на возражение.

Некоторые поняли все это, когда увидели лицо почившего,

ставшее столь просветленным, столь особо красивым, другие когда слышали надгробные песнопения, но иные знали это всегда, и смерть его дала этому их знанию только последнюю достоверность. Так, например, многие из друзей М. М. и прежде никогда не обижались на его, порой, горячие и острые слова, ценя его прямоту, зная его любовь не только к близким людям, но и к церковной правде и красоте.

Впрочем, его ревность по строгой уставности и благолепию богослужения могла мало знавшим его показаться похожей на старообрядческое стояние за внешнюю форму, если бы плоды этой ревности не свидетельствовали всем о чем то гораздо более глубоком.

Можно ли забыть, хотя бы то, что едва-ли не все священнослужители, ученики М. М., при всяком серьезном сомнении относительно порядка службы, мысленно или на деле обращались к нему, как к своей богослужебной совести. Ревностно оберегавший верность Типикону на Сергиевском Подворье, где церковная служба рассматривалась им как своего рода церковная школа, М. М. не хотел налагать бремени неудобноносимых там, где это было не по силам для молящихся и служащих. В этих случаях он желал только, чтобы сокращения и уклонения от буквы Устава отвечали бы смыслу и духу богослужения и не искажали бы его структуры.

Был М. М. олицетворенной совестью для многих и в области церковного пения. Здесь послужил он православному просвещению как, охотно делившийся своими знаниями несравнимый знаток церковной музыки и как опытный регент, а в качестве канонарха он просвещал и просветил многих богословски и духовно.

Сколько церковных текстов сделались понятными и дошли до сердца молящихся, благодаря этому его труду.

Сохранившийся и в России почти только в монастырях, этот способ пения стихир (слова выразительного речитатива тотчас повторяемые ликом) в исполнении М. М. давали, из года в год, совершенно незаменимую духовную пищу.

А кто из бывавших на Сергиевском Подворье не переживал всей вообще необыкновенной стройности совершаемого там богослужения? Кто, хотя бы раз не испытал духовного трепета при пении в храме Преподобного таких молитв, как, например: «Да исправится молитва моя!», «Ныне силы небесные», «Се Жених грядет», «Чертог Твой, Спасе», которым был обязан он М. М. Осоргину? Разве только чтение им на Утрени Великой Субботы паремии о костях пророка Иезекииля сознавалось всеми, как его личное достижение и драгоценное церковное приношение. Но сам он дорожил не личными успехами, а славой Церкви и Сергиевского Подворья. Относительно же себя он только не раз повто-

рял свое скромное пожелание, чтобы на его могиле были бы начертаны слова 145 псалма: «Пою Богу моему дондеже есмь».

И, действительно, он пел и читал в храме почти до самого последнего дня своей жизни, не считаясь ни с набегавшими простудами, ни с неотступавшей от него мучительной астмой, столь развившейся от ежедневного напряжения голоса.

«Пою Богу моему дондеже есмь». Но мы, его друзья, верим, что его песенное предстояние перед Богом не кончилось и не кончится никогда и что только теперь-то, по настоящему и началось и что только там его земное бескорыстное служение найдет должную оценку и принесет неувядаемый плод. Но слава Богу, и здесь находит он для своих трудов прямое преемство.

О М. М. как главе истинно православной семьи, трогательно сказал в своем надгробном слове Владыка Кассьян. Уважение к благой сокровенности семейной жизни не позволяют сказать многое, даже лучшее об этом служении его Богу в родной семье.

Но о том, какова была основная его направленность говорит одно его проявление, о котором нельзя здесь умолчать. В самый день рождения своего старшего сына, ныне иеромонаха Афанасия, М. М. подарил ему хорошее Евангелие с надписью, в которой молитвенно выразил все свои горячие пожелания относительно христианской будущности младенца. Много-ли найдется молодых отцов, которые встретят таким подарком, такой духовной заботой своего только что родившегося первенца? К этому можно добавить, что и позже во всем, в своих подарках в особенности, он был внимателен прежде всего к религиозным нуждам своих детей и всячески поощрял развивавшиеся в них высшие интересы и личные дарования.

В качестве одного из главных основателей Сергиевского Подворья М. М. был самым тесным образом связан со всею его жизнью и судьбою.

Это, благодаря его почину и усилиям была найдена и куплена эта «благословенная горка» с находящимся на ней тогда еще протестантским храмом и другими зданиями, а также были отысканы основные средства на это приобретение.

Несомненно во всем этом деле проявилась особая промыслительная, можно сказать чудесная, помощь Божия и Небесного Покровителя нашего Подворья препод. Сергия; несомненно и то, что М. М. был некоторым орудием Провидения избравшим его для этого дела, но это избрание состоялось в ответ на редкий порыв и настойчивость, проявленные тогда М. М., сделавшие участие его в этом деле апогеем его жизни.

Значительными также были его усилия при организации росписи храма и передаче этой работы художнику Д. С. Стелецкому,

с которым у М. М., при всей духовной своеобразности каждого из них, была особая духовная соотносительность, и может быть даже сродство. Они глубоко оценили друг друга и сотрудничество их было благотворно.

Под конец жизни М. М. дано было загореться еще раз священной для него большой творческой заботой о Сергиевском Подворье. Это было похоже на последнюю любовь, которая иногда посещает человека на закате его жизни. Предпринятая им постройка звонницы и библиотечной читальни настолько увлекали его, что можно смело сказать, что он скончался, благодаря этому, как воин на своем посту.

Он скончался в Воскресенье, 29/16 октября, в 3 с пол. часа утра, в то же число, а может быть и час, когда в 1919 году был невинно расстрелен врагами России его младший брат Георгий.

М. М. происходил из очень древнего дворянского рода. Среди его предков находится св. праведная Иулиания Лазаревская Осорьина, память которой он очень чтит. Он вывез из России частицы ее святых мощей. Отец М. М. занимал в свое время губернаторские посты и кончил жизнь в эмиграции в сане протоиерея. Мать М. М. была девичестве княжна Елизавета Николаевна Трубецкая, была сестрой известных философов Николая и Евгения Трубецких. Родился М. М. 30 июня 1887 года в имении родителей «Сергиевское», Калужской губернии и уезда. Там, в сельской церкви Покрова Божией Матери, с детских лет прислуживая, читая и поя, он и почерпнул основные свои богослужебные знания. К церковности поощряли его весь уклад семейной жизни и особая религиозность его отца. После революции он два года жил в Константинополе, затем несколько лет в Баден-Баден, где он и усовершенствовался в своих знаниях Церковного Устава, а уже в 1924 году М. М. переехал в Париж, где после основания Сергиевского Подворья там и проживал, занимая должности преподавателя церковного Устава, псаломщика и управляющего домом. При его деятельном участии были основаны в Париже курсы псаломщиков, душою которых он был.

Им издана книга «Уставщик» с кратким, но очень ценным изложением порядка церковных служб. Его усилиями была издана служба Всем Святым в России просиявшим. Он поместил несколько статей по церковным вопросам в «Сергиевских Листках».

М. М. был одним из последних ярких представителей старой дворянской русской культуры и ее быта.

Свящ. Александр Семенов Тянь-Шанский.

Редактор: И. В. Морозов. — Directeur responsable P. A. Struve